

Е.А. СОРОКИНА
(Волгоград)

К УТОЧНЕНИЮ СОДЕРЖАНИЯ ТЕРМИНА «СЕМАНТИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ»

Предлагается рассматривать процесс реконструкции значения в рамках двухвекторной модели коммуникации, при которой каждый из участников обладает собственным набором важнейших коммуникативных факторов (Тезаурус, Код, Текст, Мотивация, Ситуация и т.д.). Последние следует учитывать при извлечении социально-общественных смыслов из древних текстов и моделировании древних значений, служивших средством для кодирования этих смыслов в отдаленный исторический период.

Ключевые слова: *семантическая реконструкция, двухвекторная модель коммуникации, смысл и значение.*

Любое историко-семасиологическое исследование в сравнительно-историческом языкознании строится на сравнении и сопоставлении, что невозможно без лингвистической реконструкции — комплекса приемов и процедур восстановления незасвидетельствованных языковых состояний, форм, явлений путем исторического сравнения соответствующих единиц отдельного языка, группы и семьи языков [9, с. 409].

Как известно, до XIX в. не существовало корректных методов лингвистической реконструкции. И лишь открытие фонетических законов позволило реконструировать праформы, опираясь не на случайные созвучия и домыслы, а на строгие соответствия и закономерности.

Двадцатый век ознаменовался повышенным теоретическим интересом к проблемам реконструкции [10; 12], когда ее предметом стали все элементы языка — фонемы, морфемы, просодия, синтаксис, парадигмы и семантические поля, диалектные членения и языковые состояния в целом. И все же, несмотря на множество частных исследований, демонстрирующих различные процедуры и приемы реконструкции, а также некоторые специаль-

ные работы по лингвистической реконструкции, общее состояние проблемы трудно считать удовлетворительным.

Основная сложность, на наш взгляд, заключается в том, что термин *реконструкция* понимается учеными как методы и приемы, опирающиеся на *законы* и *соответствия*, что, несомненно, справедливо для реконструкции форм, но не совсем верно для реконструкции значений, где не менее важны интуиция исследователя, его лингвистическое чутье, «семантический инстинкт» [8, с. 123] и опыт исследователя, т.к. лингвист, являясь носителем родного языка и культуры, «всегда склонен бессознательно руководствоваться категориями своего собственного языка» [1, с. 333].

Традиционно под семантической реконструкцией понимается *процедура* восстановления древнего, или предшествующего, значения слова [8, с. 123]. Другими словами, в результате выполнения определенных взаимосвязанных последовательных действий должно получиться именно то значение слова, которое использовалось носителями языка в процессе коммуникации. Основная трудность исследования заключается в том, что эти процессы коммуникации не только происходили в пространстве другой культуры, но и были значительно удалены во времени. Возникают закономерные вопросы: с каким материалом должны работать исследователь, какие принципы и процедуры использовать и что в итоге понимать под семантической реконструкцией?

По мнению Э. Бенвениста, для проведения семантической реконструкции необходим контекст/текст, т.к. только внимательное изучение контекстов (фрагментов текста, включающих избранную для анализа единицу, необходимых и достаточных для определения значения этой единицы, являющихся непротиворечивыми по отношению к общему смыслу данного текста [9, с. 238]), где исследуемая форма проявляется в разнообразии употреблений, позволяет объяснить и мотивировать сближение/расхождение значений. При этом необходимо помнить, что, когда контекст выделяет одно из значений слова, другие его значения или их совокупность продолжают присутствовать в слове потенциально.

Действительно, любой исследователь, работающий с древними письменными памятниками, желает он того или нет, выступает в роли интерпретатора текста, который он принимает, декодирует, осмысливает и передает его содержание, выступая своеобразным связующим звеном в процессе коммуникации между далеким прошлым и настоящим, т.е. в роли *Коммуниканта_у* при *Коммуниканте_х*. Получается своеобразная *двухвекторная* модель коммуникации, в которой каждый из участников обладает собственным набором важнейших коммуникативных факторов. Сюда следует отнести как лингвистические – *Тезаурус* (т.е. знания о мире, своеобразный «понятийный словарь», или список всех концептов, усвоенных индивидом, в их взаимосвязи [7, с. 13]), *Код* (семиотическая система, применяемая для передачи информации) и *Текст*, так и нелингвистические (*Мотивация* и *Ситуация* вступления в коммуникацию) факторы [3, с. 55–57]. Другими словами, передаваемая или воспринимаемая в коммуникации информация содержится не только в *Тексте*, но и почти в любом из описанных выше факторов. Особенно актуален данный вывод при работе с древними текстами, когда *Ситуация_х* по времени и месту не совпадает с *Ситуацией_у*. При таких условиях каждый фактор приобретает особую значимость и не только дополняет извлеченную из текста информацию, но зачастую позволяет избежать коммуникативных сбоев. К примеру, при анализе Готской Библии важен не только сам текст, но и личность *Коммуниканта_х* – епископа Вульфилы, его социальный статус, образование, религиозные взгляды и т.д., что не могло не отразиться на его *Тезаурусе_х* и, как следствие, на подборе слов для передачи информации, повлиять на его мотивы и интенции при вступлении в коммуникацию. В то же время не менее важна и личность *Коммуниканта_у*, нашего современника, т.к. от глубины его знаний об отдаленной культуре, уровня владения общего с *Коммуникантом_х* кодом, полноты и широты тезауруса зависит качество акта коммуникации. Все вышесказанное позволяет рассматривать сообщение/текст с двух позиций: *Коммуниканта_х* и *Коммуниканта_у*.

Итак, при создании *Текста_х* у *Коммуниканта_х* формируется замысел сообщения в смысловых структурах *Тезауруса_х*, представляющего собой совокупность дискретных (т.е. имеющих собственное имя/имена) смыслов (согласно некоторым данным, каждый со-

временный язык охватывает примерно 75000 смыслов [4, с. 76]), которые коммуникант накопил в своем сознании в течение жизни. Затем исходный смысл кодируется с помощью набора знаков *Кода_х*, т.е. лексическими единицами, обладающими постоянством звучания и значения.

Прежде чем перейти к рассмотрению процессов декодирования *Текста_х* с точки зрения *Коммуниканта_у*, определимся с понятиями «смысл» и «значение». Вслед за А.В. Бондарко под смыслом мы понимаем ситуативно обусловленное (изменчивое во времени и пространстве) универсальное инвариантное содержание отражательной деятельности человека, включающее объективно-общественные и субъективно-личностные знания, не зависящее от различий между языками, выраженное не только языковыми, но и неязыковыми средствами, которое может быть передано разными единицами конкретного языка, единицами разных языков, а также и неязыковыми средствами. Бесконечное количество новых смыслов связано с такими фактами, как нетождественность содержания, выражаемого сочетаниями языковых единиц, простой сумме их значений, ситуативная обусловленность смыслов, участие в формировании смысла не только языкового, но и неязыкового знания.

Значение – не универсальная, исторически и социально устойчивая содержательная сторона единицы конкретной языковой системы (не совпадающей по своей содержательной характеристике, объему, по месту в системе с подобными единицами других языков), которая служит средством для выражения и перекодирования смысла в том или ином конкретном высказывании [2, с. 49–51].

Итак, с точки зрения *Коммуниканта_у*, для успешного декодирования *Текста_х* предполагается наличие *сходных* с *Коммуникантом_х* *Тезауруса*, включающего объективно-общественные и субъективно-личностные знания о мире, и системы знаков – *Кода*. Действительно, для понимания полученной информации *Коммуникант_у* должен реконструировать исходный замысел отправителя информации путем вероятного моделирования его смысловой системы (*Тезауруса_х*). В случае высокого сходства тезаурусов коммуникантов расшифрованная информация будет близка той, которая составляла замысел сообщения, в противном случае понимание будет значительно затруднено. Для компенсации неизбежно возникающих деформаций сообщения

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

*Коммуниканту*_у следует привлекать дополнительные процедуры получения информации – как естественные, так и специально разработанные [6]. При этом важно не только понять текст, но и реконструировать намерения отправителя, его мотивы, а также всю сопровождающую сообщение информацию.

Следовательно, *Коммуникант*_у – ученый-интерпретатор, с одной стороны, должен обладать знаниями об отдаленной культуре, социально-общественном строе, традициях и верованиях и т.д., с другой – иметь представление о *Коммуниканте*_х, чтобы, реконструировав его объективно-общественные и субъективно-личностные знания, приблизиться к тем смыслам, которые отправитель информации вложил в свое сообщение. При этом по возможности следует избегать стереотипов, сложившихся в его собственной культуре как о *Коммуниканте*_х, так и о *Ситуации*_х. Действительно, стереотипы удобны, т.к. отражают лишь немногие признаки соответствующих явлений, что облегчает ориентацию в изучаемой культуре, однако главная их опасность состоит в следующем: если в стереотип были отобраны ложные признаки, то могут возникнуть критические ошибки при интерпретации.

Важное место для интерпретации сообщения отводится и владению общим с *Коммуникантом*_х кодом. Предполагается, что отправитель и получатель информации владеют сходным кодом, при этом код отправителя не является точной копией кода получателя. Трудности в интерпретации могут возникнуть на всех уровнях языковой системы. Следовательно, процесс декодирования сообщения даже в пределах одного временного отрезка сопряжен с рядом возможных языковых сбоев, не говоря уже о тех случаях, когда отправитель и получатель относятся к разным культурам и разделены столетиями, что не может не отразиться на содержательной стороне языковых единиц, которые не совпадают ни по объему, ни по месту в системе. Все вышесказанное значительно усложняет задачу *Коммуниканта*_у, но, тем не менее, не делает ее невыполнимой. Таким образом, если исходить из двухвекторной модели коммуникации, то с помощью семантической реконструкции из текстов извлекаются общие смыслы, которые перекодируются языковыми средствами получателя сообщения.

Другими словами, для древних смыслов ученые подыскивают современные эквивалентные значения, которые могут частич-

но совпадать с древними, но никогда не будут тождественны. Не случайно во всех словарях древних языков за каждым словом обычно закреплены выявленные по контекстам смыслы, которые были перекодированы единицами современных языковых систем, а не реальные древние значения. По такому же принципу организуется, в частности, словарь древнеанглийского языка, составляемый учеными из Торонто, – The Dictionary of Old English Project, Centre for Medieval Studies, University of Toronto (на настоящий момент обработаны слова только до буквы Н).

Для реконструкции древних значений необходимо не только дешифровать смыслы, но и по возможности, отбросив субъективно-личностные смыслы отправителя информации, сконцентрировать внимание только на объективно-общественных. Сделать это возможно, если проводить сравнение в пределах как одного языка (сравнение текстов разных жанров и авторов), так и нескольких близкородственных языков. Выявленные таким образом общие смыслы у реконструируемых языковых единиц, скорее всего, и будут являться универсальными, характерными для конкретной исторической эпохи. Следовательно, семантическая реконструкция всегда ограничена временными рамками определенной исторической эпохи.

По мнению Э. А. Макаева, семантическая реконструкция, в отличие от формальной (фонемы и морфемы), не может быть глобальной, допускает лишь частичную реконструкцию и «ограничена определенным порогом, переступить который она не в силах; в противном случае она теряет всякий смысл, ибо определенный этап развития языка, подлежащий реконструкции, утрачивает свой структурный облик, постепенно трансформируясь в другой языковой тип» [5, с. 104–105].

Результатом любой семантической реконструкции должно стать выявление устойчивых содержательных характеристик значений, которые использовались для кодирования исторически обусловленных универсальных смыслов.

В свою очередь, процедура выявления устойчивых содержательных характеристик значения должна опираться на определенный алгоритм действий, который должен включать, помимо анализа контекстов для выявления смыслов и кодирующих их значений, изучение древней лексики по семантическим рядам и тематическим группам, верифициро-

вание полученных результатов этимологическими и типологическими данными, а также экстралингвистическими данными: историческими и археологическими исследованиями.

Исходя из вышеизложенного, под семантической реконструкцией следует понимать извлечение объективно-общественных смыслов из текстов и определение устойчивых содержательных характеристик значений, использованных для их кодировки в конкретный исторический период. Результатом такой реконструкции может быть не только единичное древнее значение, но и толкование, описание извлеченного смысла в современных значениях.

Применим теоретические выводы на практике. Для анализа возьмем древнеанглийское слово *sunu*. Согласно словарю Босворда, оно имеет значение *son* «сын» [10, с. 937], но действительно ли древнеанглийское слово обозначало сына в современном его понимании? Другими словами, имеем ли мы в данном случае совпадение смысла и значения у англосаксов и носителей русского или английского языков?

Для иллюстрации обратимся к поэме «Беовульф», в которой слово *sunu* отмечено 30 раз. Оно имеет в поэме несколько непривычный для современного читателя смысл. Это, скорее всего, не столько родной сын, сколько или потомок, или принятый в род. Действительно, когда Хродгар, конунг Данов, благодарит Беовульфа за победу над Гренделем, он объявляет его своим 'названным сыном' и использует лексему *sunu*, ср.: *Nú ic, Béowulf, þec, secg betosta, mé for sunu wylle fréogan on ferhþe*. – Сейчас я, Беовульф, лучший из людей, говорю, мне как **сын** будешь любим по жизни (945); *...mé man sægde þæt þú ðe for sunu wolde hereric habban*. – ... мне сказали, что ты **сыном** хочешь назвать этого предводителя войска (Беовульфа) (1177).

Беовульф, в свою очередь, обращаясь к Хродгару как сыну Хальфдана, также использует слово *sunu*, т.к. Хродгар, будучи королем датчан, представляет в своем лице весь род: *Béowulf is mín nama• wille ic ásecgan sunu Healfdenes maérum þéodne*. – Беовульф мое имя, я хочу обратиться к **сыну** Хальфдана, прославленному королю (344).

В заключительной сцене Беовульф жалеет, что у него нет сына, которому он мог бы передать власть и богатство. Употребление *sunu* в данном контексте вполне объяснимо, т.к. он не имел или не мог иметь родных детей, а названного сына у него не было: *'Nú ic*

sunu mínun syllan wolde gúðgewaédu. – Имей я **сына**, я бы желал отдать ему доспехи (2730).

Интересный результат получается, если сравнить употребление слов *sunu* и *byre* (*son, child, descendant*) [10, с. 138], входящих в ту же тематическую группу. Все три случая употребления слова *byre* связаны с именем Виглафа и встречаются почти в конце эпического повествования. Однозначно, что во всех представленных контекстах Виглаф выступает как родной сын Веохстана: *...hé frætwe gehéold fela misséra bill ond byrnan oð ðæt his byre mihte eorlscipe efnan swá his aérfæder*. – ... он (Веохстан) держал богатство (меч) много лет, доспехи, пока его **сын** (Виглаф) не смог выполнять благородный долг, как его старый отец (2621).

Важно отметить, что в строфах 2602–2608 Виглаф был назван сыном Веохстана через слово *sunu*. Такое обозначение могло быть связано с тем, что в данном контексте говорится о Виглафе как представителе всего рода Вагмундингов (*Waegmundingas*), к которому принадлежали не только отец Виглафа Веохстан, но и Беовульф, и его отец Эггтеов. Контекст показал, что именно как представителю рода, а не как сыну Веохстана Виглафу было отдано родовое поместье, т.к. им вполне мог владеть и сам Беовульф как прямой наследник своего отца: *Wigláf wæs háten Wéoxstánes sunu... gemunde ðá ðá áre þe hé him aér forgeaf wicstede weligne Waégmundinga, folcrihta gehwylc swá his fæder áhte*. – Виглафом звали **сына** Веохстана... вспомнил (Виглаф) тогда почет, который (Беовульф) оказал ему ранее, дав поместье Вагмундингов и право на народ, которое его отец (Эггтеов) имел (2602—2608).

Проведенный краткий анализ позволяет нам, обобщив вышесказанное, сделать определенные выводы. Слово *sunu* чаще обозначает не столько сына, сколько потомка рода. Это может быть и собственный сын, и сын брата, сестры, а в некоторых случаях и человек, принадлежащий другому роду, но оказавший значительную услугу. Таким образом, *sunu* у англосаксов имел определенный социальный статус; человек, называемый *sunu*, был *своим* для рода.

Достоверность полученных выводов может увеличиться, если не только проводить семантическую реконструкцию на примере одной поэмы, а использовать весь текстологический материал как древнеанглийского, так и других древних германских языков, относящийся к исследуемому периоду.

Литература

1. Бенвенист Э. Семантические проблемы реконструкции // Общая лингвистика. М. : Едиториал УРСС, 2002.
2. Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. Л., 1978.
3. Донец П.Н. Теория межкультурной коммуникации: специфика культурных смыслов и языковых форм : дис. ... д-ра филол. наук. Харьков, 2003.
4. Левицкий В.В., Стернин И.А. Экспериментальные методы в семасиологии. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1989.
5. Макаев Э.А. Общая теория сравнительного языкознания. М. : Едиториал УРСС, 2004.
6. Сорокина Е.А. Семантическая реконструкция: вчера и сегодня // Сопоставительные исследования 2010. Воронеж : Истоки, 2010.
7. Стрелковский Г.М. Пособие по переводу с немецкого языка на русский и с русского языка на немецкий. М. : Высш. шк., 1973.
8. Трубочёв О.Н. Труды по этимологии: Слово. История. Культура : в 2 т. М. : Яз. слав. культуры, 2004.
9. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М. : Больш. рос. энцикл., 1998.
10. Birnbaum H. Linguistic reconstruction: its potentials and limitations in new perspective. Washington, 1978.
11. Bosworth J., Toller T.N. An Anglo-Saxon Dictionary based on the manuscript collections of the late Joseph Bosworth, edited and enlarged by T.N. Toller. Oxford : Oxford University Press, 1898.
12. Problemi della ricostruzione in linguistica. Atti del convegno internazionale di studia. Pavia, 1-2 ottobre 1975 / a cura di R. Simone e U. Vignuzzi. Roma, 1977.

*To the issue of specifying the term
“semantic reconstruction”*

There is suggested to consider the process of meaning reconstruction as a two-vector model of communication, where each of the participants possesses his/her own set of the most important communicative factors (Thesaurus, Code, Text, Motivation, Situation, etc). The latest should be taken into consideration in finding social meanings in the ancient texts and modeling the ancient meanings that were the means of encoding of these meanings at the old historic period.

Key words: semantic reconstruction, two-vector model of communication, sense and meaning.

Н.О. МИШИНА
(Воронеж)

**СИНТАКСИЧЕСКАЯ
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА
«ИНОБЫТИЕ (ЗВУКОПРОЯВЛЕНИЕ)
ОБЪЕКТА» В РУССКОМ
И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ
(на примере структурных схем
«издает звуки (звучит)»,
«there is a sound»)**

Рассматривается один из способов вербализации концепта «инобытие (звукотпроявление) объекта» в русском и английском языках в виде структурных схем «издает звук (звучит)» и «there is a sound». Представлен англо- и русскоязычный иллюстративный речевой материал, демонстрирующий примеры употребления описываемых структур.

Ключевые слова: концепт, языковая репрезентация, синтаксические средства, структурные схемы, лингвокогнитивный анализ.

Восприятие окружающего мира происходит на уровне когнитивной деятельности человека и отражается в его речевой активности с помощью языковой репрезентации образа. Чем сложнее мыслительные единицы, тем многокомпонентнее их вербализация. Номинативные концепты как единицы структурированного знания, как правило, объективируются в языке лексемами. Синтаксически репрезентируемые концепты имеют сложную ментальную природу уже потому, что отражают ситуацию с несколькими участниками, обладающими отдельными характеристиками, определяющими общую ментальную картину. Связь между ментальной и вербальной многоаспектностью становится очевидной из результатов лингвокогнитивного анализа, например, такого явления, как «инобытие (звукотпроявление) объекта», вербализуемого в русском и английском языках в составе определенного набора структурных схем (СС), в частности СС «издает звуки (звучит)» и «there is a sound».

В русском языке речевая реализация рассматриваемой СС осуществляется без заполнения позиций «кто (что)», «чем», «по чему, обо что, во что и т.д.»: – Да, я не люблю пролетариата, – печально согласился Филипп Филиппович и нажал кнопку. Где-то прозвело.